

ОДНА РУКА, ЧТОБЫ ДЕРЖАТЬ

Натали Мурсалова

18+

Натали Мурсалова

Одна рука, чтобы держать

«Автор»

2026

Мурсалова Н.

Одна рука, чтобы держать / Н. Мурсалова — «Автор», 2026

«Иногда судьба даёт шанс начать всё заново — и этот шанс приходит в самый неожиданный момент. Для Влада таким моментом становится пребывание в госпитале: боль и неопределённость, но и возможность по-новому взглянуть на главное. Рядом с ним — Ева, которая не отступает ни на шаг. Их разговоры о будущем становятся не просто мечтами, а планом, который они готовы воплотить любой ценой. После выписки пара отправляется в путешествие, чтобы проверить, насколько крепка их связь вдали от привычной жизни. Дорога готовит им и испытания, и маленькие чудеса, а в один из дней Влад решается на поступок, который определит их общее завтра. Эта история о том, что настоящая любовь — это не только чувства, но и выбор, который мы делаем каждый день».

© Мурсалова Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Одна рука, чтобы держать

Глава

«Иногда судьба даёт шанс начать всё заново — и этот шанс приходит в самый неожиданный момент. Для Влада таким моментом становится пребывание в госпитале: боль и неопределённость, но и возможность по-новому взглянуть на главное. Рядом с ним — Ева, которая не отступает ни на шаг. Их разговоры о будущем становятся не просто мечтами, а планом, который они готовы воплотить любой ценой. После выписки пара отправляется в путешествие, чтобы проверить, насколько крепка их связь вдали от привычной жизни. Дорога готовит им и испытания, и маленькие чудеса, а в один из дней Влад решает на поступок, который определит их общее завтра. Эта история о том, что настоящая любовь — это не только чувства, но и выбор, который мы делаем каждый день».

Глава 1

Знакомство

Ева Велесова растёт в глухой, но живой деревне, где все друг друга знают, а лето пахнет скошенной травой и яблоками. Она живёт в небольшой доме, в котором всегда пахнет разными вкусами. Её бабушка — хранительница местных легенд: рассказывает про домовых, про "тихие тропы", по которым будто бы ходили старые духи рода Велесова. Её отец строгий но справедливый — командир роты, мама — почтальонка, которая тихо держит семью, когда отца подолгу нет.

У Евы с детства выработана привычка: ждать. Ждать когда папа вернётся с учений, когда закончится тревога, когда можно будет просто выдохнуть. Не смотря на юный возраст Ева знакомится с военным — Владом.

Военнослужащий по контракту, из соседнего военного городка. Он прямой, честный, говорит мало, но делает все вовремя. Вечер. Набережная почти пустая, только редкие прохожие и чайки.

Влад играет в теннис, но не ради турниров, а чтоб сбросить напряжения после тяжёлого рабочего дня. В моменте он отвлекаться от игры и пропускает мяч. Мимо проходит незнакомка, она идёт с книгой в руке — ей нравится читать на ходу, на секунду отвлекаться на страницу, делает шаг в сторону, в этот момент мяч с резким звуком падает к её ногам. Влад подбегает к ней, поднимаются глаза они встречаются взглядами. Он быстро извиняется "Прости пожалуйста" сегодня рука вообще не слушается. Ева осторожно пнула мяч, не собираясь сразу отдавать. Может ракетка нет та, предложила Ева. Он смеётся, и в этом смехе было столько усталости и облегчения что Ева засмеялась в ответ. Они начинают болтать ни о чем: что какая сегодня классная погода только ветер который мешает нормально подавать подачу, что набережная не лучшее место для тенниса. Когда Влад уже собирался уходить он остался и сказал: каждые выходные я приезжаю сюда, если хочешь можешь прийти посмотреть как я пытаюсь не промахиваться. Ева кивнула подумав: "Я буду приходить каждые выходные даже если он не будет промахиваться. На следующей день.

Она задержалась у ограждения, Влад краем глаза заметил её. В короткой паузе между розыгрышами он подошёл ближе.

— Нравится смотреть, как играют? — улыбнулся он.

— Нравится, когда играют красиво, — чуть смущённо ответила Ева.

— Тогда приходи на выходных. Тут устраивают небольшой турнир. Будет интереснее, чем одиночная тренировка.

Ева хотела сразу отказаться — она не любила давать обещания, в которых не уверена, но что-то в его голосе, в этой простой, открытой улыбке заставило её кивнуть:

— Хорошо. Приду.

Влад снова взял ракетку, а Ева ещё немного постояла, наблюдая, как он возвращается к игре. В тот вечер она не знала, что этот случайный разговор станет началом истории, в которой будут и долгие прогулки по набережной, и тревожные минуты ожидания, и письма, которые она будет прятать под подушку.

На выходных Ева пришла пораньше. Турнир уже начинался, и трибуны понемногу заполнялись. Она нашла место у самой сетки и сразу увидела Влад: в спортивной форме, с сосредоточенным взглядом, он казался совсем другим, чем вчера, — более собранным, строгим, но стоило ему на секунду поймать её взгляд и коротко улыбнуться, как эта строгость таяла.

Игра шла напряжённо. Влад уверенно держал подачу, но соперник был сильным, и каждый розыгрыш заставлял зрителей задерживать дыхание. Ева ловила себя на том, что сжимает пальцы, когда мяч летел особенно опасно, и едва сдерживала радостный возглас, когда Влад вытягивал, казалось бы, безнадежный удар.

После матча он подошёл к ней, слегка запыхавшийся, с капельками пота на висках, но с той же улыбкой.

— Ну что, было интересно? — спросил он, вытирая лицо полотенцем.

— Было захватывающе, — призналась Ева. — Я даже не думала, что теннис может быть таким... драматичным.

— В этом и есть его прелесть, — засмеялся Влад. — Каждый розыгрыш — как маленькая история.

Они пошли вдоль набережной, и разговор пошел легко, будто они знали друг друга давно. Влад рассказывал про тренировки и про то, как теннис помогает ему сохранять равновесие в жизни, где многое зависит не от него. Ева делилась историями про свою работу в книжном магазине и про то, как любит находить в старых книгах фразы, которые будто написаны именно для неё.

С каждым разговором между ними становилось всё меньше неловкости и всё больше доверия. Но впереди Влада ждала командировка, и он знал об этом. В один из вечеров, когда они сидели на скамейке у воды и смотрели, как гаснут огни на другом берегу, Влад тихо сказал:

— Скоро меня не будет какое-то время. Служба.

Ева не стала делать вид, что это ничего не значит. Она просто взяла его руку и тихо ответила:

— Тогда будем писать друг другу. Пусть письма будут тем самым розыгрышем, который мы не проиграем.

И они не проиграли. Даже когда письма шли дольше обычного, а тишина между ними становилась почти осязаемой, в их истории оставалось главное — тот вечер на набережной, когда всё только начиналось, и обещание приходить смотреть, как он играет, даже если теперь это будут только строчки на бумаге.

Влад уехал — и набережная, где они когда-то встретились, вдруг стала для Евы местом, где особенно остро чувствовалась тишина. Он обещал писать, и она каждый день проверяла почту, будто от этого зависела сама возможность дышать.

Первое письмо пришло через двенадцать дней. Не в конверте — сложенный вчетверо листок в клетку, написанный карандашом, местами смазанный. Влад писал коротко, без лишних слов: что добрался, что всё в порядке, что небо здесь другое — ниже и тяжелее. В конце стояло: «Набережную не забыл». Ева прочитала три раза подряд, потом спрятала под подушку, как и думала тогда, на скамейке у воды.

Работа в книжном помогала. Покупатели приходили, уходили, иногда спрашивали что-нибудь неожиданное — и на несколько минут она переставала считать дни. Но вечером, когда магазин закрывался и она шла домой мимо набережной, шаги сами замедлялись у той самой скамейки.

Она писала ему в ответ на следующий день после каждого письма. Рассказывала про книги, про бабушкины истории, про то, что яблони в этом году уродились особенно щедро.

Один раз написала, что нашла в запасниках старый сборник — стихи какого-то забытого поэта, и одна строфа там была про человека, который ждёт не весть чего, а просто — света в окне. Ева не пояснила, почему пишет именно об этом. Влад, наверное, понял.

Его следующее письмо пришло через восемь дней. Карандаш сменился на ручку, почерк чуть разборчивее. Он писал, что про яблони читал дважды, и что у них там фруктов никаких, зато по утрам туман такой густой, что первые метров двадцать идёшь почти на ощупь. «Зато думается хорошо», — добавил он в скобках.

Ева улыбнулась этой скобке отдельно — будто он позволил себе чуть больше, чем обычно.

Шли недели. Письма приходили неравномерно: иногда два подряд с разницей в три дня, иногда молчание на две с лишним недели. В такие паузы Ева старалась не додумывать. Она выходила на смену, расставляла книги по полкам, советовала покупателям то, что сама ещё не дочитала, и вечером садилась писать — даже если его ответа ещё не было. Писала, как в пустоту, но с ощущением, что там, на другом конце этой пустоты, кто-то слышит.

Бабушка однажды застала её за письмом поздно ночью, при свете настольной лампы, и ничего не спросила. Только поставила рядом чашку с чаем и тихо ушла. Этого оказалось достаточно.

Отец позвонил в конце октября — коротко, как всегда: спросил, всё ли в порядке, услышал «да», попрощался. Он никогда не задавал лишних вопросов, но Ева чувствовала, что он знает. Может, мама рассказала, может, просто догадался — у военных свой нюх на таких вот ждущих.

Ноябрь пришёл с дождём и коротким днём. Письма теперь иногда приходили надорванными по краю — будто их проверяли где-то на полпути. Влад об этом не писал, и Ева не спрашивала. Она научилась читать между строк: если фраза обрывалась на середине и дальше шло что-то совсем другое — значит, что-то не договорил. Она складывала эти обрывы в уме, как складывают черновики, и берегла.

В один из таких дождливых вечеров она достала тот первый листок в клетку. Карандаш уже совсем выцвел. «Набережную не забыл» — буквы едва читались, но она знала их наизусть.

За окном шумел ноябрьский дождь, капли барабанили по подоконнику неровно, с паузами, будто кто-то никак не мог выбрать ритм. Ева сидела за столом, листок лежал перед ней под настольной лампой, и она просто смотрела на него — не читала, просто держала в поле зрения, как держат фотографию человека, которого давно не видели.

Следующее письмо пришло в пятницу, уже в конверте — первый раз в конверте. Влад писал, что скоро будет небольшое затишье и, может быть, получится позвонить. «Может быть» он подчеркнул один раз, и Ева поняла, что это не обещание, а что-то между надеждой и предупреждением.

Она убрала письмо к остальным — они уже не помещались под подушкой, и она переложила их в старую жестяную коробку из-под чая, ту самую, что стояла на полке у бабушки сколько Ева себя помнила.

Телефон зазвонил в субботу, утром, когда Ева ещё не успела заварить чай. Незнакомый номер, короткие гудки с задержкой — она сняла трубку, и первые секунды слышала только шум, похожий на ветер в микрофоне.

— Ева, — сказал он. Не спросил, а сказал, как будто убедился.

— Влад.

Она опустила на стул у окна. За стеклом тянулось серое ноябрьское утро, и соседская кошка сидела на заборе и смотрела в одну точку.

Говорили недолго — минут восемь, может, девять. Связь прерывалась дважды, и оба раза они перезванивали, не сговариваясь. Влад спросил про бабушку, про яблони — помнил. Ева спросила про туман по утрам.

— Всё ещё есть, — ответил он. — Но теперь я к нему привык.

Когда он повесил трубку, она ещё какое-то время держала телефон в руке. Чай так и не заварила.

Бабушка вышла из своей комнаты около десяти, в халате, с расчёской в руке, и сразу посмотрела на Еву — на стул, на телефон, на непоставленный чайник.

— Звонил? — спросила она, не уточняя кто.

— Звонил, — кивнула Ева.

Бабушка поставила чайник сама, достала две чашки, положила в вазочку печенье, которое Ева не трогала с четверга. Села напротив и принялась расчёсывать волосы, глядя куда-то в сторону окна. Они посидели так молча, пока вода не закипела.

— Твой дед писал мне три года, — сказала бабушка, наливая кипяток. — Одно письмо потерялось совсем. Я до сих пор не знаю, что в нём было.

Она поставила чашку перед Евой, придвинула вазочку с печеньем ближе.

— Он потом говорил, что писал что-то важное. А что именно — не помнил.

Ева обхватила чашку ладонями. Чай был горячий, почти обжигающий, и она держала его крепко.

— Может, это и к лучшему, — сказала Ева.

Бабушка посмотрела на неё, помолчала и кивнула — не соглашаясь, а скорее отмечая что-то про себя.

— Может, и к лучшему, — повторила она и взяла печенье.

За окном соседская кошка наконец слезла с забора и исчезла в кустах. Небо оставалось тем же — серым, без просветов, но уже не таким тяжёлым, как утром.

После завтрака Ева вытащила жестяную коробку и пересчитала письма. Их было четырнадцать. Она разложила их по дате, аккуратно, как раскладывают страницы рукописи, которую ещё не закончили читать. Потом сложила обратно, закрыла крышку и поставила коробку на полку рядом с бабушкиными банками с травами.

Там она теперь стояла на виду. Ева решила, что прятать её незачем.

Декабрь наступил резко — один день был ещё осенним, а на следующее утро Ева проснулась от белой тишины за окном. Снег лёг плотно, разом, и деревня под ним стала тихой, как на фотографии. Бабушка протопила печь ещё до рассвета, и в

доме пахло берёзовым дымом и чем-то сладким — она варила варенье из последних яблок, которые простояли в погребе до холодов.

Письма теперь шли медленнее. Ева ждала очередного уже десять дней и на одиннадцатый написала сама — коротко, без нажима: что выпал снег, что в книжном перед праздниками стало многолюдно, что бабушка варит яблочное и говорит, что в этом году особенно густое получается.

Запечатала конверт, надписала адрес знакомым уже почерком и пошла на почту пешком, через весь посёлок, хотя мама в тот день как раз выходила на смену и могла бы взять с собой.

Ева хотела дойти сама.

На обратном пути она прошла мимо набережной. Снег лежал на перилах ровным слоем, никем не тронутый, и скамейка, та самая, была занесена почти наполовину. Ева остановилась на секунду, посмотрела на неё и пошла дальше.

Ответ пришёл через две недели, в день, когда она почти перестала ждать. Конверт был мятый на углу, адрес написан второпях, буквы чуть наклонились влево. Влад писал про снег — что и у них его прибавилось, что утренний туман теперь смешивается с морозом и дышать первые минуты приходится осторожно. Писал про варенье: «Яблочное — хорошо. Передай бабушке».

В конце, уже совсем коротко: «Скоро увидимся. Точно».

Не «может быть». Точно.

Ева перечитала последнюю строчку, потом закрыла письмо и положила его в коробку поверх остальных. Четырнадцать стало пятнадцать.

Глава 2

Командировка, ранение

Далее, письма стали приходить нечасто, но каждое было для неё целым миром. Влад старался не пугать, писал про рассветы над степью, про то, как в редкие спокойные минуты вспоминает их прогулки, запах моря и её привычку поправлять прядь волос, когда она о чём-то задумывалась. В этих строчках не было ни жалоб, ни тяжёлых подробностей — только тихая, упрямая надежда, что всё будет хорошо. И Ева цеплялась за эти слова, как за якорь.

Она старалась держаться. А по ночам, когда город затихал, она прижималась к подушке и плакала. Не от слабости, а от того, как сильно ей хотелось просто услышать его голос, убедиться, что он там, живой, дышит, помнит. Её сила была не в том, что она не чувствовала боли, а в том, что, выплавав её, утром снова шла вперёд.

Потом письма перестали приходить. Сначала Ева уговаривала себя: «Связь плохая, он напишет». Потом начала придумывать оправдания: «Занят, не до писем». Но дни складывались в недели, и тишина становилась невыносимой. Она ловила себя на том, что прислушивается к каждому звуку в квартире, будто ждала не письма, а какого-то знака, что с ним всё в порядке.

Спустя две недели пришло сообщение: не от самого Влада, а от его командира. В нём коротко и сухо говорилось, что Влад получил тяжёлое ранение, эвакуировать сразу не смогли — обстановка не позволяла. Бой шёл рядом, дороги были перекрыты, любая попытка вывоза могла стоить жизни и ему, и тем, кто рискнёт помочь. Ева читала эти строки, и мир будто сузился до одной точки: она не могла ни дышать, ни плакать, только сжимала телефон так, что побелели пальцы.

Прошли ещё сутки, которые показались ей вечностью. И наконец — ещё одно сообщение. На этот раз от самого Влада. Он писал, что его всё-таки вывезли, он

в госпитале, но дела плохи: врачи говорят, что спасти руку не удастся, предстоит ампутация. Он старался писать спокойно, будто это просто факт, не трагедия: «Не пугайся, я справлюсь. Главное, что жив».

Ева не спала всю ночь. Она смотрела на его слова и пыталась собрать себя по кусочкам. Ей хотелось кричать, плакать, рвать на себе волосы, но она знала: если она сломается сейчас, он почувствует это даже сквозь километры и экраны. Утром она села и написала длинное письмо — не про жалость, не про «как же так», а про то, что она рядом, что любит его, что будет ждать, сколько бы времени ни понадобилось. И ещё она пообещала: когда он вернётся, они вместе придумают, как жить дальше. Не «как было», а именно «дальше» — по-новому.

Через несколько недель Влада перевели в другой госпиталь, ближе к дому. Ева взяла отпуск, собрала вещи и поехала к нему. Она не знала, что скажет, не знала, как он будет выглядеть, как примет то, что с ним случилось. Но она точно знала одно: она должна быть там.

Когда она вошла в палату, Влад сидел у окна. Он обернулся, и на секунду в его глазах мелькнуло такое облегчение, что у Евы перехватило дыхание. Он не бросился к ней, не стал прятать руку — просто посмотрел и тихо сказал: «Ты приехала». И в этом «ты приехала» было столько благодарности и любви, что все страхи рассыпались в пыль.

Они не стали сразу говорить о будущем. Сначала просто сидели рядом, держались за одну целую руку, молчали или говорили о пустяках — о том, как пахнет воздух в этом городе, о смешной кошке, которая живёт у входа в госпиталь, о том, что чай тут совсем не такой, как дома. Постепенно Влад начал делиться тем, что его тревожит: не столько из-за самой ампутации, сколько из-за того, кем он теперь будет, сможет ли быть опорой, сможет ли снова чувствовать себя нужным.

Ева слушала, не перебивая, не пытаясь сразу всё исправить. Она просто была рядом. И однажды, когда он в очередной раз заговорил о своей беспомощности, она тихо сказала: «Ты думаешь, я любила твои руки? Я любила тебя. А ты — всё ещё ты».

Эти слова не вылечили его в один миг, но они дали ему точку опоры. Влад начал проходить реабилитацию, учиться заново делать простые вещи. Еве оставалась рядом, помогала, но не делала за него — она знала, что ему важно вернуть себе самостоятельность. Они вместе читали истории людей, которые после тяжёлых ранений находили новые пути, новые смыслы, и понемногу Влада начал верить, что и у него такой путь возможен.

Со временем он решил попробовать новое дело — стал вести блог, где рассказывал о своём восстановлении, о том, как справляться с болью и отчаянием, как учиться жить заново. Ева помогала ему с текстами, с организацией, но идея была его. И постепенно этот блог стал поддержкой не только для него, но и для десятков других людей.

Влад писал раз в несколько дней — сначала коротко, будто нащупывал дорогу: пять строчек о том, как заново учиться держать кружку, семь — о том, что утро в палате начинается одинаково, но каждое чуть легче предыдущего. Ева сидела за прилавком в книжном и редактировала эти тексты между покупателями, подбирала слова точнее, не трогая его интонацию — только убирала лишнее, как снимают пену с бульона.

Однажды под одной из записей появился комментарий от незнакомого человека из Воронежа: «Читаю тебя каждый день. Мой брат не хочет разговаривать с нами после госпиталя. Отправил ему твой текст. Он позвонил».

Влад показал сообщение Еве молча. Она прочитала, подняла на него взгляд.

— Видишь, — сказала она.

Он кивнул, но как-то медленно, будто слово ещё не дошло до конца. Потом отвернулся к окну, и Ева увидела, как он сглотнул.

Она не стала говорить больше. Просто дала ему посидеть с этим. За стеклом шёл мелкий дождь, по карнизу бежала вода. Он ничего не ответил, но Ева заметила, как расправились его плечи — едва заметно, но она уже умела читать его по таким мелочам.

Таких сообщений становилось больше. Писали из разных городов, иногда сами ребята из госпиталей, иногда их жёны или матери — те, кто не знал, с какой стороны подойти к человеку, который вернулся другим. Влад отвечал каждому. Не быстро, не дежурно — по-настоящему, по несколько раз переписывая, если чувствовал, что слова получаются пустыми.

Ева как-то спросила его, не устаёт ли он от этого.

— Устаю, — сказал он честно. — Но это другая усталость. Не та, что после.

Он не договорил, и она не стала уточнять. Она уже научилась слышать то, что он не произносит вслух.

Постепенно их жизнь выстраивалась заново — не по старым чертежам, а по новым, которые они набрасывали прямо на ходу. Влад освоил протез, долго привыкал к нему, злился, несколько раз бросал тренировки и возвращался. Ева не торопила. Она просто ставила на стол чай, садилась рядом с книгой и читала — так, чтобы он не был один в своей тишине, но и не чувствовал, что за ним наблюдают.

Однажды вечером он спросил:

— Ты не жалеешь?

Ева отложила книгу и посмотрела на него.

— О чём именно?

— Обо всём этом. О том, как оно вышло.

Она помолчала секунду — не потому что не знала ответа, а потому что хотела сказать точно.

— Нет, — ответила она. — Я жалею только о том, что тебе было больно.

Ева наблюдала за этим и думала о бабушкиных рассказах — про тихие тропы, по которым ходят духи рода. Тогда, в детстве, она не понимала, что это значит. Теперь казалось, что понимает: есть вещи, которые передаются не по крови, а через поступки. Через то, что человек выбирает делать, когда ему тяжелее всего.

Дни в госпитале тянулись медленно, но для Влада и Евы время будто застыло в одном тёплом мгновении — в том, как Ева каждый вечер садилась на стул у его кровати, брала его руку в свою и рассказывала что-нибудь: про шум дождя за окном, про смешной случай на улице, про то, как в детстве она мечтала стать художницей.

— Знаешь, — однажды тихо сказал Влад, глядя на её пальцы, чуть дрожащие от усталости, — я всё думаю... Когда меня выпишут, мы ведь не будем просто возвращаться к прежней жизни. Хочется чего-то нового. Чего-то нашего.

Ева улыбнулась, но в глазах мелькнула тень тревоги — она боялась загадывать, боялась, что если поверит в это «наше» слишком сильно, то что-то пойдёт не так.

— Может, уедем куда-нибудь на пару дней, когда ты поправишься? Туда, где тихо и пахнет морем, — предложила она, стараясь говорить легко, будто это не самое заветное её желание.

Влад кивнул, прикрыв глаза:

— Да. Хочу увидеть, как ты стоишь на берегу, а ветер развеивает твои волосы. Хочу, чтобы ты рисовала там, если вдруг вспомнишь, что когда-то мечтала об этом.

В тот вечер к ним зашёл лечащий врач. Он говорил о сроках восстановления, о реабилитации, о том, что впереди ещё много работы, но смотрел на них с мягкой улыбкой — будто понимал, что у этой пары есть кое-что посильнее лекарств: они держат друг друга на плаву.

После ухода врача Ева достала из сумки маленький блокнот и карандаш.

— Я тут кое-что набросала, — призналась она, немного смущённо протягивая Владу листок. На нём был его портрет — не идеальный, но удивительно живой: в нём чувствовалась усталость, но и упрямое желание жить, и тихая благодарность за то, что она здесь.

Влад долго смотрел на рисунок, потом тихо произнёс:

— Ты снова рисуешь. Значит, мечты никуда не делись.

— Они просто ждали подходящего момента, — ответила Ева, склонив голову ему на плечо.

С того дня каждый вечер стал маленьким планом на будущее: они придумывали маршрут поездки, спорили, какой цвет выбрать для маленькой квартиры, которую хотели снять, мечтали о собаке, которая будет бегать за мячиком и путаться под ногами. Это были не грандиозные планы — но именно в этих мелочах рождалось их «потом», ради которого стоило бороться.

И когда наконец настал день выписки, Влад вышел из палаты было не привычно с протезом но Влад шел гордо, потому что рядом шла Ева — и в её взгляде было столько веры в него, что сил хватало на всё. Впереди ждали трудности, но теперь

они знали: какие бы испытания ни приготовила жизнь, они встретят их вместе.

Они сели в машину, и Ева долго искала ключи в сумке, потому что руки немного дрожали. Влад заметил это, но промолчал. Просто тихо положил ладонь ей на колено, и она нашла ключи сразу.

Дорога домой заняла почти четыре часа. За окном менялся пейзаж: сначала городские кварталы с рекламными щитами и светофорами, потом поля, потом редкий лес, пропускающий между стволами белёсое осеннее небо. Влад дремал на пассажирском сиденье, откинув голову, а Ева изредка поглядывала на него — на резкий профиль, на спокойное лицо, которое во сне утрачивало ту осторожность, что появилась в нём за последние месяцы.

На одном из поворотов он вдруг открыл глаза — будто почувствовал её взгляд.

— Всё нормально? — спросил он, хрипловатым голосом ото сна.

— Еду, — сказала она.

Он помолчал, потом чуть повернул голову к окну. За стеклом мелькнул просёлок, уходящий в поля, и деревянный указатель, накренившийся набок.

— Я не помню этой дороги, — сказал он.

— Я объехала через Кириллово. Там меньше фур.

Он кивнул и снова закрыл глаза. Ева убрала взгляд на трассу. Радио она не включала — просто шуршала резина по асфальту, и в этом звуке было что-то успокоительное, почти домашнее.

Когда въехали в город, начинало смеркаться. Фонари зажглись разом, как по команде. Влад смотрел на знакомые улицы молча, и Ева не торопила его ни словом.

Они припарковались у подъезда, и Влад несколько секунд просто сидел, глядя на дом. Ева не открывала дверцу — ждала. На четвёртом этаже горело окно соседей, за стеклом мелькнула чья-то тень.

— Пойдём, — сказал он наконец.

В лифте пахло свежей краской — видимо, пока его не было, управляющая компания всё-таки сделала ремонт. Ева нажала кнопку и поймала его взгляд в металлической дверце — искажённый, слегка расплывчатый, но всё равно узнаваемый.

Квартира встретила их тишиной и запахом нежилого помещения: немного пыли, немного холода. Ева щёлкнула выключателем, прошла на кухню, открыла форточку. Влад остановился в коридоре, провёл рукой по стене — просто так, как будто убеждаясь, что всё это настоящее.

— Дома, — сказал он негромко.

Она обернулась от плиты.

— Дома.

Ева поставила чайник — не потому что хотела чаю, а потому что нужно было что-то делать руками. Влад прошёл в комнату, и она слышала, как он открывает шкаф, потом закрывает. Потом садится — по звуку угадала, что на диван.

Когда чайник закипел, она налила две кружки и вошла. Он сидел прямо, смотрел на полку с книгами — туда, где стоял их общий снимок с той поездки к морю, три года назад. Фотография немного выцвела по краям.

Ева поставила кружки на стол и села рядом.

— Снимок надо переставить, — сказал он. — Солнце его добивает.

— Угу, — согласилась она.

Они помолчали. За форточкой шуршал ветер, из соседней квартиры доносился приглушённый телевизор.

— Завтра куплю нормальный кофе, — сказала Ева. — Тот, что ты любишь.

Влад обхватил кружку ладонью, почувствовал тепло.

— Хорошо, — ответил он.

Больше они в тот вечер почти не говорили. Ева убрала кружки, Влад принял душ — она слышала, как долго течёт вода, — потом он вышел в полотенце, не сказал ничего, лёг. Она выключила на кухне свет, проверила форточку и легла рядом.

Он не спал — она это чувствовала по дыханию, слишком ровному, слишком намеренному.

—Влад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.